

Александр Эльберт

**ПРО ЛЮБОВЬ
И НЕ ТОЛЬКО**

Всё здесь рассказанное — истинная правда. Только перетасованная и переосмысленная. Некоторых героев этого романа я хорошо знал, а многих знаю и сейчас. Других я никогда не видел и не слышал. Но они были мне необходимы по ходу развития событий. Поэтому я, совершенно не задумываясь, срисовал их с моих хороших знакомых. Но не буквально, а комбинируя и объединяя черточки характера самых разных людей, которые, как я надеюсь, не узнают себя, прочитав эту книгу — конечно, если у них найдётся для того свободное время и желание...

Александр Эльберт ПРО ЛЮБОВЬ И НЕ ТОЛЬКО...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё здесь рассказанное — истинная правда. Только перетасованная и переосмысленная. Некоторых героев этого романа (может быть роман — это слишком громко; но не повесть — это точно) я хорошо знал, а многих знаю и сейчас. Других я никогда не видел и не слышал. Но они были мне необходимы по ходу развития событий. Поэтому я, совершенно не задумываясь, срисовал их с моих хороших знакомых. Но не буквально, а комбинируя и объединяя черточки характера самых разных людей, которые, как я надеюсь, не узнают себя, прочитав эту книгу — конечно, если у них найдётся для того свободное время и желание.

А вот события, всё без исключения происходящее, выдуманы мною. И все пересечения людей, событий, фактов — тоже выдуманы, вернее — придуманы. Но в полном соответствии с реальными людьми, событиями, историческими фактами. Зато места действия: город, улица и даже квартира — абсолютно реальны, их можно найти на карте.

И никакой логики, кроме моей. И это тем

более странно, что я и сам не всегда понимаю, почему так, а не этак, почему этот персонаж, а не тот, почему порядок изложения не обязательно следует хронологии, почему один персонаж появляется и живет, а другой помаячил, сказал пару слов — и я о нём забыл. Конечно была какая-то с самого начала задуманная логика развития событий. Только частенько я просто забывал, что и в какой последовательности хотел описать и приходилось решать проблему заново. И тогда одна моя логика заменяла другую, которую я забыл или с которой вошел в противоречие. Иногда я путал имена, но это было легко исправить. А вот если герои менялись характерами, манерой разговаривать, даже внешностью, мне было трудно это во время заметить и, тем более, вернуть их к первоначальному варианту. И тогда легче было изменить этот самый первоначальный вариант.

Ну и наконец — две простые мысли, которые преследовали меня во время работы над этой книгой:

— Люди! Любите друг друга!

— Человек так же нужен Богу, как Бог — человеку. Ибо Бог нуждается в своих верующих для самого своего существования. Нет Бога без верующих в него.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Юра! Вы же мудрый человек! Скажите мне... — дальше Юра хотя и слушал, но не слышал, что она говорила. Он был не тот человек, у которого можно было получить ответ на её вроде бы простые вопросы. А вопросов было много, были они всегда неожиданные и времени на подготовку не давалось. Потому что этой маленькой, кругленькой, но колючей женщине было невтерпеж услышать любой ответ, чтобы продолжить разговор. Спрашивала она всегда серьёзно, юмор посещал её нечасто, а тематика вопроса и точность ожидаемого ответа — а она всегда держала за пазухой собственный ответ на свой вопрос — крутились вокруг центра, где было спрятано ожидаемое зерно правды, на 360 градусов. Поэтому Юра, как всегда при общении Асей, слушал в пол-уха, но думал о своем.

«Я, конечно, не дурак. И образованный, может быть слишком образованный. Наверное, даже интеллигентный. *Понять бы только, что это значит, быть интеллигентным человеком.* Но я точно не мудрый. У меня взрывной темперамент и я могу и наговорить, и наделать такого, что всю жизнь жалеть и стыдиться буду. Мама моя была

мудрая женщина. Я, старый дурак, понял это только после её смерти. Да и то не сам, а с подсказки жены, которая поняла это давным-давно, но молчала, потому что сама была мудрая, тактичная и умная».

Ася продолжает рассказывать, Юра продолжает слушать в пол-уха и думать о своем, потому что коротко рассказывать Ася не умеет, а он не в состоянии внимательно слушать «длинные речи». И вспомнилась ему недавняя история, которая хоть немного отвечает на вопрос, что такое мудрость и кто такие мудрецы. История эта совсем не смешная, а скорее печальная. В парламенте некоего небольшого государства есть маленькая фракция из 3–4 ультрарелигиозных депутатов, которые голосуют не индивидуально, т. е. каждый за себя, а всей фракцией, едино, в соответствии с решением внепарламентского совета мудрецов. Сложилась, и не первый раз, *ситуация ...* Сказать странная, смешная, печальная — всё будет неправильно, неточно. *Сложилась критическая ситуация, когда от мнения мудрецов зависело принятие важнейшего государственного решения.*

Но на совете мудрецов мнения разделились и всё должен быть решить голос 90-летнего старца, который уже много лет не выходил из дому. А дома у него нет ничего, кроме религиозной литературы. Он газет не читает, радио не слушает, телевизор не

смотрит. Компьютер, интернет — упаси боже! И этот человек решал судьбу того голосования. И всё получилось хорошо. Случайно? Или для того мудрость мудрецам и дается?

У Аси и ее мужа Арика единственный сын Додик и единственный исключительно нервный, нахальный и неуправляемый внук Бобби. Бобби 7 лет, Юра знает его три года. Мальчик часто бывает в гостях у бабушки и дедушки вместе со своей мамой, худенькой, некрасивой, но очаровательной умницей Верой. А Додика Юра за три года не видел ни разу. Он, Додик, философ. Это не только его работа и его хобби, это — он сам. Он всегда философ и всегда «философствует»: на работе, на прогулке, за завтраком, обедом и ужином. Дома у Веры и дома у... Эти два дома и есть суть вопроса Аси. Додик не виделся и не разговаривал с родителями много месяцев. А вчера он позвонил и попросил разрешения прийти. Удивленная и обрадованная Ася, не задумываясь, сказала:

— Почему ты спрашиваешь? Конечно приходи, мы с папой соскучились и очень будем тебе рады...

— Ты не поняла, я приду не один...

— Разумеется...

— Ты не поняла, я хочу познакомить вас с...

— Ты придешь не с Верой?

— Ты не поняла! Я приду с Кларой, я хочу вас с ней познакомить.

Ася, наконец, поняла.

— Подожди, я поговорю с папой. — Но Арик сказал, как отрезал:

— Нет! Ноги её в нашем доме не будет!

Ася улыбнулась и печально сказала:

— Юра! Вы же мудрый человек, посоветуйте, как нам быть. Где-нибудь в ресторане сын со мной встречаться не хочет. Мы уже очень не молодые, а время-то бежит. Мы не видели сына почти год, но Арик твердо стоит на своем. Что же делать?

«Я — не мудрый человек, чтобы давать советы. — подумал Юра. — Но достаточно разумный, чтобы спросить» — и спросил:

— А что Вера, она не прогоняет его, не заговаривает о разводе?

— Вера говорит, что он как маленький ребенок, её ребенок. Поиграет ещё немножко, пока новая игрушка не надоест, и вернётся домой к братику — это она про Бобби — и маме — это она про себя.

— Так она даже не ревнует?

— Конечно, ревнует, ещё как ревнует. Только не как жена, а как мать двоих детей, один из которых совсем маленький, а другой хотя и выглядит как взрослый, на самом деле большой капризный ребенок, который очень серьезно играет

роль мужчины.

«Как интересно! — подумал Юра. — Умница Вера спокойно, *по крайней мере внешне, на людях,* ждет, пока этот большой и очень умный ребенок не надоест *той* женщине и она не отпустит, *а то и прогонит* его домой к маме-жене и братику-сыну». — А вслух сказал:

— Послушайте! Что Вы у меня просите совета, когда совсем рядом с вами мудрая Вера?

2

Вечером, вернувшись домой, Юра долго не ложился спать. Ходил из угла в угол своей большой квартиры, разговаривал сам с собой, пытаясь вспомнить, но никак не мог понять, что именно он хочет вспомнить. Принял душ и решил позвонить детям, но во время посмотрел на часы. Посидел бездумно в кресле, стало клонить в сон. Подремал, потом встряхнул головой, погасил свет и лег в кровать — как обычно, на спину. Быстро заснул, но посреди ночи в глаза ему посмотрел очень старый еврей, совершенно не похожий на рембрандтовских: безбородый, белоснежный, с черными бровями и серенькими следами небритости. Спокойные немигающие глаза его были незнакомы. Юра хотел спросить, но не мог произнести ни слова. Старик покачал головой: «Не

спрашивай; ты сам знаешь все вопросы и все ответы. Вспомни *их*, поговори с *ними*. Не бойся ни плохого, ни хорошего. Это было, этого не вернешь и не переделаешь: радость и горе, любовь и ненависть, удивление и восхищение, боль потери и расставания; боль, боль, боль... Ты живой, а *их* нет. Вспоминай и помни». Юра потянулся и уже почти сказал: «Кто...» — но вместо этого открыл глаза и увидел, что ночь кончается, рассветает. Закрыв глаза — никого. И стал вспоминать.

«Моя мудрая мама не была высокообразованной женщиной. Зато у нее было потрясающее, тонкое, со спрятанной улыбкой чувство юмора. И полное осознание своего места в этом мире и спокойное, интеллигентное, не бросающееся в глаза чувство собственного достоинства, подкрепленное искренним уважением сослуживцев, старинных знакомых и стареньких подруг последних лет её жизни. Как жаль, что только сейчас, когда я сам уже далеко не юный, вспоминаю, прозреваю и начинаю понимать её. И как мне её не хватает!»

«А вот моя тёща, умная, высокообразованная, волевая, с твердым мужским характером — *мудрой* не была. Много раз в своей жизни она поступала не просто по велению разума, но поддаваясь сиюминутному желанию и острой чувственной потребности сделать *именно так, а не иначе*. В

моей памяти она осталась энергичной, властной, решительной, потому что мягкой и доброй она была только по отношению к позднему сыну, которому отдала последние 30–35 лет жизни. Этому позднему сыну сейчас уже 60 лет и он настолько не мудр (плохое слово, но могу сказать жестче: глуп и неблагодарен), что говорит, не стесняясь и не краснея, будто мать его никогда не любила. А по-настоящему любил его только отец, который покинул семью, когда ребенку было меньше 2 лет; правда, алименты платил исправно.

Моя мудрая мама любила меня, мою жену и моих детей спокойно, не бросаясь словами и не требуя ничего взамен — только немного тёплого внимания.

А тёща, как я это сейчас понимаю (Что со мной? Хочу стать лучше самого себя в те молодые годы, когда я не понимал людей и мне так нехватало мудрости, спокойствия и частенько самого главного — доброты?), казалась самой себе умной, мудрой и доброй; но на самом деле более всего любила свои чувства, а не тех, на кого эти чувства были направлены. Кроме этого глупого, неблагодарного, неинтеллигентного сына, которого любила безоглядно с первого дня и до самого конца. А он ничего не понял и теперь уже не поймет.»

Юра «замолчал» и с удивлением подумал: «А

ведь я уже «пережил» тещу и скоро маму «догоню»! И тут же вспомнил: «Мама почти никогда не жаловалась и никогда не выясняла отношения, т. е. кто прав — кто виноват. И уж точно не делала этого вслух и на людях. А теща непрерывно делила всех и вся на правых и виноватых и выясняла, уточняла, проверяла, обвиняла, защищала; последнее — очень редко.»

3

Через месяц Ася с широко раскрытыми глазами рассказывала, в этот раз нескладно, но зато очень коротко:

— Вчера был Додик...

— Один? — не удержался и перебил её Юра.

— С Верой и Бобби, первый раз за много-много месяцев.

— Вернулся домой?

— Нет. Он пришел, когда Вера и Бобби уже были у нас.

— Не может быть! И как они встретились?

— Странно. Бобби сказал, не отрываясь от компьютера: «А! Это ты?» — Додик поцеловал его в щеку и получил в ответ: «Не мешай! Не видишь, что ли? Я играю».

— А Вера?

— Сказала: «Бобби! Оторвись от компьютера,

папа пришёл». А Бобби слегка повернул голову в сторону Додика: «Ты когда уходишь?»

Вера покраснела: — Не обижайся на мальчика, он совсем забыл тебя.

— Неправда! Ничего я не забыл. Просто без него нам лучше. Правда, дед?

— Арик сидит в углу и молчит, — продолжает Ася. — И все молчат вместе с ним, только компьютер гудит... Додик принес торт, я накрыла на стол, попили чаю; молча, без разговоров. Потом Додик немного рассказал о своей работе — *если бы я хоть что-нибудь поняла* — попрощался и посмотрел на Веру: «Проводи меня».

— И она пошла? — не выдержал Юра.

— Конечно. Ребенок хочет домой вернуться. Нервничает, боится, что его не примут.

— И что Вера потом рассказала?

— А ничего. Только спросила: «Вы почему не разрешили ему придти, *тогда*, с ней? Она бы все равно не пришла». — Помолчала и добавила: «Он сегодня ночует у Илюши — это друг детства. Она его прижала к стенке: или разводись, или уходи». — Спокойная, даже улыбается; наверное, знает что-то такое, что мне не дано понять... Я бы никогда не простила и не позволила вернуться.

— Ну-ну, — это было первое и последнее, что сказал Арик за весь вечер.

Ещё через месяц в пятницу рано утром разбудил телефонный звонок. Звонила Ася:

— Обязательно приходите сегодня на кабалат-шабат («встреча субботы» на иврите).

— Что-нибудь случилось? — спросил Юра, зевая.

— Блудный сын вернулся. — Юра спросонку не понял. — Что-что?

— Додик... — дальше можно было не продолжать. Юра улыбнулся: «Мудрая Вера!»

Вечером того же дня в гости к родителям мужа пришла спокойная, улыбчивая, неторопливая Вера с двумя детьми. И право же не так-то легко было сказать, особенно если «закрыть глаза» на разные вес, рост и голос, кто из детей младший, кто старший. Юра замкнул рот на замок и едва сдерживал улыбку, наблюдая за мудрой Верой, которая ужасающе старательно делила себя, свое внимание, свою любовь между нахальным, как всегда, Бобби и спокойным, немного отрешенным — как после тяжелой болезни — Додиком. А чуть позднее Юра поймал себя на странной мысли: «Нет, нет, нет! Этого не может быть: они ревнуют и стараются притянуть к себе внимание Веры. Просто Бобби делает это легко и привычно, а Додик так стесняется, так старательно прячет свои чувства, что становится смешно и неловко за этого

большого ребенка».

* * *

Сегодня был «в руках», т. е. на приеме у сравнительно молодой — примерно 45 лет — веселой, обаятельной и высокопрофессиональной женщины-физиотерапевта. Уже несколько сеансов она пытается избавить меня от шума в левом ухе и параллельно подправляет кое-какие мелочи в моем не очень молодом теле — я всего на пару лет моложе Юры, но заметно старше Аси и Арика. Я очень удобно лежал с закрытыми глазами, а она в это время что-то выдавливала из моего живота, старательно и болезненно разминала правую ступню, потом что-то делала под коленкой и это было очень больно. После этого — грудная клетка, голова, шея, какие-то точки позвоночника, снова ступня. И хотя было не всегда приятно, а иногда просто больно, я все время дремал. В один прекрасный момент я почувствовал себя маленьким ребенком в руках у любящей матери. Это было так удивительно хорошо, что я рассмеялся, чем искренне порадовал моего физиотерапевта.

4

Вера, сколько Юра её знает, всегда

одинаковая: маленькая, худенькая, неспортивная. Минимум косметики, одета «маломодно», сама себе уделяет очень мало времени. Грустные, но постоянно улыбающиеся глаза, не самые правильные зубы, тихий голос. С домоводством без удовольствия, но управляется. Додик — чуть выше, узкоплечий. У него густые курчавые волосы, острые черты лица, взгляд в вечность и внутрь. Обычно говорит еле слышно, но иногда переходит почти на крик, сам не зная, почему именно в этот момент. Когда Юра его впервые увидел, Додик был вполне упитанный. Трудно было поверить, но совсем недавно он был такой худой, что его даже в армию не взяли «*по недобору веса*» — он тогда весил 49 кг. Вера всегда нравилась мальчикам, и в школе, и в университете. Но ни одного даже самого скромного романа до встречи с Додиком у неё не было. И это странно.

Додик с самого детства только и делает, что размышляет и потому ничего и никого вокруг себя не замечает. Как будто изначально самой природой отстранен от всех бытовых, хозяйственных и прочих дел, равно как от общения с *нормальными* людьми на *нефилософские* темы. Спортом даже по телевизору не интересуется. Водительские права есть, но автомобиль ненавидит. Компьютер для него только поставщик фактического материала и пишущая машинка. Печатает быстрее, чем мыслит,

а мыслит — быстрее, чем говорит. Он — философ, всегда и во всем. Потому-то странно, очень странно и непонятно, как это они с Верой сумели встретиться, увидеть друг друга, что-то необычное друг в друге разглядеть, а потом даже родить ребенка.

Вера — программист, информатик, причем очень хороший. Но работу свою не любит. А любит заниматься дома с маленьким сыном и смотреть, как работает большой. Она не знает, не понимает и даже не пытается узнать и понять, что делает и чем живет Додик. И, наверное, она права, потому что Додик сам себе объяснить не может, что он сейчас делает и что будет делать через минуту. Чувство времени у него атрофировано и *минуточка* может продолжаться пол-дня и закончиться ничем. Обычно он сидит на простом стуле, запрокинув голову, с ручкой в зубах, и раскачивается, глядя, не моргая, в потолок и ничего вокруг себя не видя. Компьютер всегда включен, чтобы любую сверкнувшую, прилетевшую, упавшую к нему в голову мысль моментально увековечить. Иначе она испарится, как сон. Поэтому иногда, не очень часто, раздается стук — *это встал на место несчастный стул, который приходится чинить несколько раз в год, а потом выбрасывать* — и сразу же несколько коротких пулеметных очередей с крохотными перерывами. И всё, возобновляется

негромкий танец стула. Мысль «изречена», надо «плыть» дальше.

Вера, когда она дома, занята готовкой, уборкой, занимается с Бобби (все реже — этому младшему сыну уже давно ничего, кроме компьютера, не надо). И прислушивается. Нет — слушает, что делает старший сын-философ.

— Тр-р-р-р-р-р, — что-то пришло в голову, печатает.

— Бум-бум-бум-бум, — думает.

И вдруг — полная тишина! «Что бы это значило?», — беспокоится Вера и тихонечко входит к нему в комнату. А он просто положил голову на руки, руки прямо на клавиатуру компьютера и дремлет. Вера тихонечко выходит, но он уже проснулся и тоненько так кричит:

— Голубушка! Нельзя ли чаю покрепче? Устал немного и в сон клонит. А мне на той неделе статью сдавать.

— Сейчас сделаю... Так ты же говорил, что почти закончил.

— Это я про ту, что надо было месяц назад отправить. А новую я только обдумываю и komponую.

* * *

Когда они только поженились, очень долго

всё было хорошо. Вера светилась от счастья, а Додик на какое-то время стал «нормальным». Они ходили в театр, много гуляли (*«много» по понятиям Додика, который раньше без особой нужды не отвлекался от того, что он сам называл работой*), общались с её друзьями — у него был один друг детства Илья, с которым он изредка говорил по телефону и виделся пару раз в год. Вера нашла хорошую работу, материальных проблем не было. Додик поступил в аспирантуру и немного подрабатывал переводами — это давало не очень много денег, но зато оставалось очень много времени на философию. Потом Вера забеременела и Додика это удивило. Он знал, конечно, что у других так бывает, но почему у него с Верой, как у всех? И так рано? Надо бы защититься и книжечку написать, а уж потом... Пошел поговорить с мамой и совсем перестал понимать, что происходит. Потому что Ася тут же закричала:

— Арик! У нас скоро будет внук!

— Откуда ты знаешь? — спросил, входя в комнату, где сидели мать и сын, удивленно улыбающийся Арик.

— Додик сказал.

— Что, уже сейчас точно известно, что будет именно мальчик, а не девочка? — преувеличенно серьёзно спросил Арик.

Додик помолчал, глядя то на мать, то на отца.

Потом тихонько сказал, наклонив голову к левому плечу:

— А я то — как? Что со мной будет?

Родители переглянулись в недоумении. Они знали, что их сын всегда философ. Но не до такой же степени!

— Сын у тебя будет, — сказала Ася.

— Или дочь, — теперь уже серьёзно, но улыбаясь, сказал Арик.

— Мама! Папа! Я уже вырос, я знаю, откуда берутся дети. Но как же так? Нам так хорошо с Верой вдвоём, а теперь появится кто-то третий...

— Не кто-то третий, а наш внук, — сказала Ася, а Арик ничего не добавил про внучку. Он был ехидный абсолютный прагматик и потому сказал, не задумываясь:

— Значит, у Веры будет двое детей. И это замечательно. Мы с мамой очень хотели второго ребенка — не получилось. А Вере и стараться не надо...

— Папа! Перестань шутить. Ей ведь придется всё делать самой. Вы поймите, я должен работать, а она...

— Не волнуйся, сынок. Вера — умница...

— И не философ, — довольно печально добавил Арик. — Перестань, — сказала Ася и продолжила свою мысль:

— Она справится. И работать будет, и тебя не

забудет, и внука нам здоровенького вырастит...

— А тебе сына и брата, — Арик не мог не вставить закорючку.

5

Сначала было очень трудно, но просто и ясно. Трудно было Вере, зато Додику все было понятно и поначалу не слишком мешало жить. Иначе говоря, он продолжал «философствовать» и работать (или «работать» и философствовать) так же, как делал это до рождения Бобби. Ко всеобщему счастью ребеночек первые месяцы был очень тихий, незаметный, совершенно «правильный»: кушал маму, спал, кушал маму, тихонечко напоминал о своем существовании и далее по кругу, как шарманка. Назвали мальчика Барух-Фридрих. Когда много лет спустя Юра спросил: «А как же получился Бобби»? — Арик рассказал обыкновенную историю:

— «Наш философ обозвал ребенка Барух-Фридрих, в честь Спинозы и Ницше. Но Вера встретила это имя в штыки и очень долго называла Баруха-Фридриха «душечка-лапочка». Это очень мило и всем нравилось — даже философу, — но очень уж длинно. А уж называть крохотулечку полным именем, или даже только одним из двух — совершенно противоестественно и напоминает

прения в старом английском парламенте. Поэтому Ася потихоньку перешла на бэби, бэбичка. А когда мальчик подрос и заговорил, он уже был Бобби».

Целый год, а то и больше, Додик спокойно работал, хорошо спал в своей комнате, получал от Веры ровно столько внимания, сколько было ему необходимо и приятно. Единственной его обязанностью по отношению к Бобби было ходить с ним гулять, что очень долго было совсем даже неплохо, т. к. не мешало философствовать. Додик просто избегал общения с другими гуляющими и не посещал детские площадки. Как-то совсем незаметно «душечка — лапочка» подрос и стал требовать внимания, причем с каждым днем всё больше и настойчивее. Вера относилась к этому с полным пониманием, радовалась и уделяла ему всё больше внимания, а значит и больше времени. Додик продолжал жить своей жизнью и не сразу понял, что происходит и почему его привычный мир рушится. Сначала Бобби стал приставать, спрашивать, иногда — не чаще, чем другие дети — капризничать. Это мешало Додику размышлять, ломало его философские построения, раздражало. Он, Додик, стал капризничать, как ребенок, и все чаще отказывался заниматься с Бобби, прежде всего ходить гулять:

— У меня очень много работы, я ничего не успеваю. И потом — у меня от него голова болит.

Он всё время спрашивает, просит, требует и даже иногда плачет. Это невозможно, как же я буду кончать диссертацию?

(Додик писал диссертацию ещё несколько лет и сдал окончательный вариант в день рождения Бобби, когда мальчику исполнилось четыре года.)

* * *

Материнские чувства у Веры появились не с рождением ребенка. Она с юных лет чувствовала себя женщиной, мамой, в некотором смысле даже главой семьи. Когда она встретила Додика, оба получили то, что каждому было необходимо: он — любящую жену-маму, а Вера — капризного, но любимого мужа-ребенка, которого можно — *и нужно!* — воспитывать, наказывать и прощать, а иногда просто вести за ручку по жизни. Додик инстинктивно боялся рождения сына и был по своему прав. Всё его существо было заполнено привычным и необходимым ему туманом философских построений; оставалось очень мало места для вложений извне, т. е. для всего, с чем человек неизбежно сталкивается в реальной жизни. Или более жёстко и прямолинейно: без чего наша жизнь, жизнь каждого человека и всего человечества, попросту невозможна. Вера была ему совершенно необходима. Додик по-прежнему

любил Асю и Арика так же, как любил их в детстве, и Вера не заменила ему Асю. Она стала ему матерью — хранительницей, поводырем по полной опасности жизни, матерью-кормилицей, утешительницей, советницей. Но! Все это — только в реальной жизни, куда Додик вылезал отдохнуть. Потому что, как они оба довольно скоро с удивлением и непониманием обнаружили, часть Додика всегда оставалась спрятанной в философском тумане. Обычно высывалась наружу только голова, но иногда вылезал весь философ, оставляя *там* только корешки. И как раз в это время им обоим, Вере и Додику, бывало особенно хорошо.

Родился Бобби, и Додик с удивлением обнаружил: что-то изменилось и продолжает непрерывно меняться. Он пытался сам себе объяснить новую ситуацию, но исходил при этом из философских понятий объективизма, идеализма, познаваемости и... А было всё по житейски просто: ребенок требовал внимания и с каждым месяцем — всё больше. Сначала Додик этого почти не почувствовал, потому что гулять с сыном было необременительно и позволяло почти не вылезать из философской скорлупы. Потом сын забегал и заговорил, и надо было не только вылезать наружу, но и подолгу оставаться с сыном в реальном мире и общаться с ним на его нефилософском языке. Если

бы этим ограничилось, Додик продержался бы подольше. Но было ещё одно обстоятельство: Бобби была нужна мама и Вера спокойно и с удовольствием делила себя, *не разрывалась*, между мужем и ребенком. Додику стало нехватать Вериного «материнского» внимания и тогда-то родилась — или проснулась — ревность. Додик не понимал, что происходит, почему Вера, *его Вера*, так много внимания уделяет этому маленькому мальчику. *Почему* этому малышу, когда он не спит, всё время что-то нужно, причем сейчас же, сию минуту, *а то хуже будет*, — или поздно. Это усугублялось ещё и тем, что мама-Вера была нужна, очень нужна, необходима *именно в ту минуту*, когда Додик вылезал в реальную жизнь. И если в ту же самую минуту надо было Бобби переодеть, покормить, успокоить, уложить спать, Додик вел себя абсолютным эгоистом: нервничал, раздражался, сердился. Он совершенно искренне не понимал, что происходит и почему он, Додик, должен ждать и частенько — долго ждать. Как-то раз он не выдержал, зверем посмотрел в сторону Бобби, который слушал сказку, сидя у Веры на коленях, и взвизгнул:

— Да брось ты его на пол! Он же нам жить мешает!

К счастью, так было не всегда и у Веры хватало материнского терпения и женской

проницательности. Она поворачивалась лицом к «старшему сыну», улыбалась, переводила на него материнское тепло и внимание. Додик успокаивался, получал желаемое *и необходимое* и, успокоенный, уходил в свою философскую скорлупу. Иногда в Додике просыпался Отец и он с удовольствием играл с Бобби в самые простые детские игры. Но не часто и очень коротко, потому что ревнивая Философия начинала нервничать и требовать от своего сына полного послушания и внимания.

6

Бобби было четыре года, когда Додик защитил диссертацию и ненадолго расслабился. *Философия* всё правильно поняла и какое-то время не преследовала его. А Вера ошиблась и, будучи в гостях у Аси и Арика, сказала, что хотела бы ещё и девочку. Дедушка и бабушка обрадовались и спросили: — «Когда?». Вера немного смутилась и сказала, что пока это только желание. Додик, задумавшись, сидел рядом и сначала ничего не понял. А когда проснулся и осознал, чуть не заплакал:

— А я? Обо мне ты не подумала? Второй раз я *этого* не выдержу.

Очень скоро Додика нашла, обогрела,

приютила и приручила бездетная уже немолодая женщина. Много лет она очень хотела родить ребеночка, но ей, наверное, было не дано, и всё её неизрасходованное материнское тепло досталось Додику. Мудрая Вера всё узнала, опечалилась, но не прогнала Додика. Он сам ушел в новый дом и перестал бывать в старом. Целый год после этого Бобби виделся с папой, когда приходил с Верой в гости к бабушке и дедушке. А потом Додик перестал навещать родителей и только изредка звонил и рассказывал о себе. У него хватало ума не говорить о Кларе — так звали его новую неофициальную жену-маму и он рассказывал только о работе. Это было безопасно, потому что родители в его философии ничего не понимали и потому не переспрашивали. А Вера с Бобиком приходили к Асе и Арику почти каждую пятницу. Иногда Вера уходила домой и Бобби оставался ночевать у бабушки и дедушки. Он был умненький, не по годам развитой, очень уверенный в себе худенький мальчик, внешне до смешного похожий на мать, но в отличие от неё — резкий, нахальный, неуступчивый. С ним было трудно, особенно Асе. Ел он почти исключительно картофельные чипсы, причем когда угодно и где угодно, только не за столом. Захотел учиться играть на гитаре, получил несколько уроков и сказал:

— Всё, я уже научился. Дальше будет

неинтересно, теперь буду играть на виолончели.

Через месяц история повторяется:

— Играть я уже научился, а продолжать и каждый день заниматься я не могу, потому что это отвлекает меня от компьютера.

В этот период Юра часто бывал у Аси и Арика и пытался общаться с Бобби. Поначалу Бобби не обращал на него внимания. Но довольно скоро это ему надоело и он тоненьким визгливым голосом прокричал — *он всегда кричал, иногда не очень громко, иногда — хоть уши затыкай:*

— Ты кто? Ты мне мешаешь. Разве не видишь — я занят, я беру интервью у *рош мемшал`а (на иврите — премьер-министр)*. Не отвлекай меня от компьютера!

Первый урок не помог. Юра еще несколько раз пытался поиграть с Бобби в *его* игры, но мальчик просто игнорировал все эти неуклюжие на его, Бобби, взгляд попытки странного глупого старика втиснуться в его, Бобика, жизненное пространство. Он совершенно недвусмысленно давал понять: «Это моя игра, мой компьютер, моя комната, в конце концов! Ты *нас`и?* (*на иврите — президент*), *рош-мемшала?* Нет? — тогда не входи в мою комнату без стука. А лучше — вообще не входи. Не видишь — ты мешаешь мне работать!»

Ася пыталась увещевать внука, смягчала детскую прямолинейность, успокаивала Юру,

извинялась. А Арик, который давно на все махнул рукой, сказал коротко и ясно:

— Оставьте его! Разве не видите — он нахал-одиночка. Ему никто кроме компьютера не нужен. Правда, с компьютером он на «ты».

«Со мной он тоже на « ты » », — подумал Юра, но промолчал.

— Пойдемте лучше чай пить, — разрядила обстановку Ася.

Про папу Бобби не вспоминал никогда.

7

Очень долго Додика кормила его новая подруга жизни, причем с удовольствием. Само по себе Додика это совершенно не смущало. Просто ему стало скучно все время сидеть дома, и он начал искать работу. К удивлению высокоостепененного молодого ученого оказалось, что работы нет. Переводы, редактирование, учитель в средней школе — пожалуйста. Но в университете, по специальности — хотеть, конечно, можно. Но! Страна маленькая, особенная, на другие страны никаким боком не похожая. У каждого имеется свое мнение по любому вопросу, причем на другой день он с этим мнением принципиально не согласен. И уж конечно, каждый второй — прирожденный философ. И все эти философы работают: рыночные

торговцы, водители автобуса, врачи-анестезиологи и хирурги, что не мешает им делать сложнейшие операции, музыканты симфонического оркестра (*причем в полном составе!*), военные летчики (*хорошо летают, между прочим*), равнины — все (*это понятно, им самим господом богом положено*). Среди детей, особенно в неудачных семьях, не люблю называть их *неблагополучными*, тоже частенько встречаются философы; правда, все они пока не работают — но это временно.

Додик при поддержке своей новой подруги-мамы не отступает: стучит во все двери, звонит по всем телефонам, интернетитует на все известные ему адреса (*электронные, если не сразу понятно*) и даже посылает простые письма с марками. Изредка получает короткий ответ: «НЕТ!». Но в один очень жаркий день, когда даже вечером гулять не хочется, позвонил старенький университетский профессор, который совсем недавно был его, Додика, руководителем. И вот что сказал:

— Работу я предложить не могу, но помогу напечатать несколько статей. Так сказать, не чересчур заумные, но и не научно-популярные размышления философа на общечеловеческие темы, волнующие думающего и образованного читателя. Ну, например: «Сомнение — двигатель прогресса». Двух недель на колебания будет

достаточно?

— На колебания — достаточно. А на ответ дайте ещё неделю. Если можно. И спасибо, профессор!

— Не подведите меня, голубчик. Честно говоря, эту работу *мне* предложило одно издательство. А я не могу. Просто не могу, порох кончился. Выручайте, коллега!

Додик стал думать и думал — колебался две недели. И решил: «Если к концу третьей недели придумаются красивые, пригодные к реализации названия статей — буду писать. Сколько можно *делать ничего*?!» А названия придумались такие:

a — Изменение понятия «сверхчеловек» (по Ницше) в 21 веке.

b — Взаимосвязь между внешним обликом философа, поведением «в миру» — и его учением.

c — Есть и нужна ли философская составляющая в массовых религиях?

d — О возможности и реальности унификации всех церквей с целью последующего их объединения.

e — Хорошо ли быть атеистом — с позиции разнoverующих.

f — Что делать, если не верится? — с позиции верующего, но думающего.

g — Что это значит: «Толочь воду в дырявой ступе хрустальным пестиком»?

И даже краткие тезисы, пока без названия:

1. «Ищите и обрящете!» — Что искать? Где? Зачем? Когда? Ну ладно; понял — что, где и когда. И даже — как. Наконец, нашел. Остается понять, то ли это, что с этим делать и как потом от этого избавиться.

2. «Обиду можно простить, но нельзя забыть.» — Это, кажется, из Камю. Хорошо сказано и большой простор для размышлений.

Вечером, перед тем как отправить придуманное профессору, Додик вылез из философской скорлупы и решил посоветоваться с Кларой. Клара была женщина добрая, тёплая и простая. Она ничего не поняла, но почему-то задала вопрос, который перевернул всю постройку с головы на ноги:

— А почему ни слова про любовь?

Додик не обидился, улыбнулся и моментально внизу приписал первое, что пришло ему в голову:

— Люди! Любите друг друга!

Клара поцеловала своего ребеночка в затылок и сказала: «Лучше не придумаешь».

8

Старенький профессор был на самом деле совсем не так уж стар и полон сил. И не сказал Додику самого главного: не было никакого нового

издательства, а была небольшая группа умных, энергичных, прозорливых людей разного возраста, разных специальностей, очень богатых и «нормальных», верующих и атеистов, — которые разочаровались в... и задумали... (*В чём разочаровались и что задумали — пока хранится в величайшей тайне, иначе всё задуманное потеряет смысл*). Давая согласие, Додик становился активным участником огромного проекта, конечной целью которого было не более, но и не менее чем... При этом Додик не знал и не должен был знать ни о существовании проекта, ни о его цели, ни о своем в нём участии. А нужен был этой небольшой группе, для простоты — Центру, именно такой, как Додик: грамотный, не обязательно талантливый специалист, философ с головы до пят, неамбициозный бессеребряник, отзывчивый на доброе слово большой ребенок.

Получив послание Додика, профессор пришел в восторг и моментально переслал это послание всем членам Центра, которые, немного подумавши, согласились с профессором и утвердили Додика на роль... С этого момента он стал ценнейшим достоянием, от которого в некоторой степени зависел успех всего задуманного этой группой людей. Теперь Додик не принадлежал сам себе и судьба его была predetermined. Сам Додик об этом не догадывался прежде всего потому, что его

личная жизнь не сильно изменилась — *умные люди были эти члены Центра!* Разве что материальные вопросы были моментально решены. *Без излишеств, однако, что полностью отвечало конечной цели проекта.* И возврат Додика к жене и сыну стал неизбежен: исполнитель главной роли должен быть в некотором роде примером для подражания и не должен отвлекаться «по пустякам»... И всё, больше — ни слова. Иначе кто-нибудь раньше времени подумает, что догадался, и пойдут ненужные разговоры. И хотя всё настолько невероятно, что догадаться невозможно, определенные сложности могут возникнуть. «Пьеса» затянется, а некоторые члены Центра уже не молоды и не хотели бы ждать слишком долго. Хотя с другой стороны для большинства из них участие в работе, движение к цели, изменения в... — *уже привычное многоточие* — гораздо интереснее конечного результата, до которого мало кто надеялся дожить... Ну вот! Немножечко проболталось на свет божий: проект большой; не просто *большой*, а такой БОЛЬШОЙ, что несколькими простыми словами и не опишешь. И всё. Больше — ни слова.

Додика пригласили в издательство «Вперёд, дети божьи», которое только что организовали два богатых члена Центра: один бездетный *атеист* и один многодетный *пока-ещё-верующий*. Выписали

аванс, — небольшой, но достаточный для спокойной жизни и работы. Додик не хотел брать деньги вперед — «И в самом деле бессеребряник», — подумал *атеист*, — но его уговорили. И попросили начать с двух тем: e и f.

— А впрочем, — сказал *пока-ещё-верующий*, — Пишите, что хотите. Мы посмотрим, — И переглянулся с *атеистом*.

— Да, да! — кивнул головой *атеист*. — Эти две статьи, эссе, рассказы — посмотрим, что получится, — напечатаем обязательно. А «всё, что хотите» — тоже напечатаем, но необязательно.

* * *

В повседневной жизни Додика мало что изменилось. Он всё так же часами сидел на простом деревянном стуле (бум-бум-бум...) и периодически пускал на клавиатуре компьютера пулеметные очереди. Ему были лестны довольно частые, но ненавязчивые звонки профессора, который интересовался движением от начала к концу статьи и очень незаметно, интеллигентно высказывал своё мнение и подталкивал автора в нужном направлении.

Профессор был членом Центра, и не самым молодым. И очень хотел увидеть хотя бы реальное продвижение к цели, потому что участвовать в

финальной сцене задуманного спектакля он даже не надеялся.

А вот в жизни Клары что-то перекошилось. Додик получил деньги, работу — причем именно такую, какую хотел — немножко поверил в себя и судьбу, успокоился и стал гораздо меньше нуждаться в повседневной заботе «мамы». Клару это не устраивало и она продолжала обволакивать Додика домашним уютом. Как раньше. Но теперь он РАБОТАЛ и очень редко вылезал наружу из своей философской скорлупы. А Клара этого не поняла и тревожила его часто; иногда без особой необходимости отвлекала его от работы, и — что более всего раздражало Додика и быстро привело к развязке — не вовремя и не по теме.

Через пару месяцев со дна Клариной памяти уже не первый раз всплыло, что бездетные супруги могут усыновить ребеночка. Несколько бесконечно длинных дней и ночей она держала себя в узде и молчала. Её трясло от нетерпения. Она предчувствовала, нет — она точно знала, какова будет реакция Додика. Но не смогла убежать, спрятаться от себя, перетерпеть эту боль. Она ведь была простая, не очень счастливая, любвеобильная женщина; да ещё и не очень молодая.

Додик работал. Клара сидела в соседней комнате с книгой в руках, но не понимала, что читает. Закрыла глаза и стал слушать. Бум-бум...

Бум-бум-бум... Бум — и вдруг стул встал на место и сразу же раздалась пулеметная очередь, через мгновение вторая, потом третья — и наступила тишина.

— «Больше не могу!» — сказала сама себе Клара и пошла.

— Додик, — чуть слышно промолвила она, входя в к нему в комнату. — Давай поженимся.

Клара думала, что тишина после пулеметной очереди означает перерыв, отдых. Она ошиблась. Додик сидел с закрытыми глазами, улыбался наплыву хороших, толковых мыслей и думал, как их получше оформить. Иначе говоря, до следующей пулеметной очереди оставалось несколько секунд. Он открыл глаза, посмотрел на Клару и застыл в ожидании. Его не было; он ничего не видел и не слышал. Кларе бы уйти, пока не поздно, но она не смогла и тихо повторила:

— Давай поженимся, я хочу усыновить ребеночка, а... — И Клара замолчала. Она увидела проснувшегося Додика и поняла, что сейчас будет. И ошиблась — Додик ничего не сказал. Но очень скоро вернулся к Вере.

9

Хотя то, что было задумано, никакого отношения к террору, революции или заговору не

имело, вели себя все без исключения члены Центра, как заговорщики. Встречались нечасто, всегда в другом месте и даже в разных странах. Общение «по общему делу» — обязательно личное. Никакого интернета, телефона, почтовой переписки. И это *только* потому, что любая утечка информации была недопустима... Нет, нет и ещё раз нет! Никакого криминала, упаси боже! Просто это могло многократно осложнить и удлинить работу, а как раз времени у по меньшей мере половины членов Центра не было в запасе — возраст! Среди членов Центра конечно же были старые друзья, однокашники, родственники, коллеги; это было приятно, но особого влияния на работу не оказывало. Общее дело связывало гораздо сильнее и требовало полного доверия друг к другу. Холостяков почти не было и женщин было гораздо меньше, чем мужчин. Последнее быстро менялось: среди новых членов Центра, недавно допущенных ко всем тайнствам проекта (д'ела, пьесы, движения, — но не революции), преобладали женщины: многодетные и совсем молодые, искренне верующие и сомневающиеся. И для всех — молодых и старых, мужчин и женщин, богатых и не очень — жизненной необходимостью стала повседневная работа, а достижение цели было только мечтой — даже для самых молодых. Глупых, примитивно мыслящих, торопыжек,

алкоголиков, распутников — вообще не было. Их даже не надо было отсеивать. Их просто абсолютно не интересовали ни конечная цель, ни повседневная неторопливая работа, требующая любви и долготерпения.

Да! Надо отметить важнейшую деталь: на единодушный выбор Додика на роль... (*уввы! опять многоточие!*) более всего повлияла последняя строчка — добавленное под неумышленным влиянием Клары название одной из будущих статей: «Люди! Любите друг друга!». Эта коротенькая фраза как нельзя больше отражала суть, дух, характер движения.

10

Додику было бы очень трудно вернуться домой, если бы не мудрая Вера. Она как любящая мать чувствовала — *не понимала*, — *чувствовала!* — состояние мужа-ребенка и шаткую неопределенность их внутрисемейных отношений. Она не делала вид, что ничего особенного не случилось, не ухаживала за Додиком, как за выздоравливающим после долгой болезни, не бежала к нему на помощь без реальной необходимости. Вера жила — не старалась, *жила* — обычной жизнью работающей женщины, у которой «гениальный» взбалмошный и неуравновешенный

младший сын и вернувшийся домой после долгого отсутствия старший взрослый сын. *Между прочим, её ровесник и тоже гениальный.* Причем в весьма частые моменты философского самоуглубления старший сын-муж становится в некотором смысле аутистом.

Мне иногда кажется, что очень многие, может быть все творческие личности периодически становятся аутистами. Или по другому: им периодически необходимо уединиться, иначе говоря уйти в себя, причем эта необходимость может их застигнуть в самый неподходящий момент и в самом неподходящем месте. Например, на балу, на приеме у Президента, во время футбольного матча, на симфоническом концерте. И уж тем подавнее — дома, когда работается.

Инстинктивно Вера ограждала Додика от любых травм, начиная с ревнивых и колючих наскоков Бобби и кончая жалостью и чрезмерной опекой родителей. Додик ничего это не замечал и не чувствовал. Но ему очень скоро стало хорошо и покойно. Он писал статью за статьёй и все они принимались, печатались и оплачивались. И не надо было ему знать, какого труда стоило Центру каждый месяц заполнять журнал пристойным

материалом. Да ещё так, чтобы статьи Додика после высокопрофессионального, талантливомго, но минимального редактирования чуть заметно выделялись, а иногда читались как редакционные, *что и нужно было Центру*. Гонорары были достаточные для вполне обеспеченного существования — *атеист не скупился*, но не чрезмерные, чтобы никто ничего не заподозрил — *за этим следил пока-ещё-верующий*.

Юра, человек спокойный, наблюдательный, даже в некотором роде проницательный, встречался с Верой и её детьми почти каждую неделю и не понимал, что происходит. Бобик если и менялся, то только «количественно»: по-прежнему не садился за стол и непрерывно грыз чипсы, оставляя неперенные жирные следы по всей квартире. К этому привыкли и не обращали внимания, считая, видимо, наименьшим злом по сравнению с периодическими вспышками резкого и звонкого, как стеклянный колокольчик, нервного голоса неуравновешенного ребенка, который всё время что-то требовал и почти всегда был неудовлетворён полученным. Частенько Ася советовалась с Юрой: «Что же делать? Может быть, показать ребенка психологу?» На что Арик реагировал всегда одинаково: «Ничего не делать. Не вмешивайся, у ребенка есть мама и папа». Додик слушал и не слышал, а Вера улыбалась и молчала. Она давно

поняла, что ничего нельзя сделать, надо только спокойно ждать, любить и позволять Бобику свободно вести себя и избавляться от избытка жизненной энергии хотя бы *так*. Потому что и в учении, и в спорте, и в играх со сверстниками Бобби был абсолютно пассивен.

Додик в противовес своему сыну-брату был всегда спокоен, тихонько сидел в углу, улыбаясь сам себе, или читал книгу. Очень редко что-то не спеша заносил в ноут-бук, но никогда не пользовался карандашом или ручкой. Если спрашивали, рассказывал о своей работе, т. е. о том, что он пишет, но первым в разговор не вступал и тем более — ни о чем не расспрашивал. Любил вкусно поесть, но и во время еды оставался неразговорчивым и слегка отрешенным.

Ну, а Вера? Вера очень похорошела. Всегда улыбалась, разговаривала немного и спокойно: доброжелательно отвечала и ненавязчиво расспрашивала, оставаясь всегда тактичной и слегка в стороне.

Иногда Юре казалось, что Бобби смирился с присутствием Додика как с неизбежным злом, а Додик своего сына хотя и видит и слышит, но воспринимает только как внешний раздражитель, с которым надо мирно сосуществовать, потому что избавиться от него невозможно.

«Мудрая Вера!» — каждый раз удивлялся

Юра. — «Как она с ними справляется? Ведь они, её дети, абсолютные антиподы».

11

В школе младшего сына Веры звали Барух. Второе имя, Фридрих, быстро пришло в негодность: дети отсекали его сразу, учителя — на второй день. О домашнем имени Бобби, тем более Бобик, никто не знал, что вполне устраивало самого Бобика. Потому что самоуверенный, шумный, звонкоголосый нахал превращался в школе в худосочного маменькиного сынка с огромными, глубокими, затаившимися глазами и негромким голосом, таким же «звонким», как будильник под подушкой. Он слушал и не слышал. На вопросы учителя отвечали только глаза и отсутствующий взгляд посреди грустной улыбки. Тело было в классе, и голова на месте. Только переполнена эта голова была мыслями настолько далекими от всего, что творится в классе, и от учебной программы *прежде всего*, насколько *пятки далеки от антипяток*¹. Или мысли эскимоса, которому нечего есть, от мыслей Главного раввина Израиля за праздничным столом в седер-песах. Нельзя

¹ см. «Алису в стране чудес».

сказать, что Бобби учился плохо, потому что он не учился, а только отбивал в школе «образовательную» повинность. Нельзя сказать, что ему было скучно, потому что это недостаточно четко, слишком мягко. Ему было так опустошительно тоскливо, что он частенько терял связь с реальной действительностью и не понимал, где он в данный момент находится и почему он должен отвечать на вопросы, которые даже не расслышал, потому что покинул внешний мир и погрузился в собственную изнанку.

Контакта с одноклассниками у Бобби не было, почти не было. Очень редко на перемене, или уходя домой после последнего урока, он взвизгивал по-субботному, но моментально испуганно умолкал и озирался. Ему бы крепко доставалось от «нормальных» ребяташек, если бы он не был такой невесомо худой (папина наследственность), постоянно «отсутствующий» во внешнем *школьном* мире (папина наследственность), и не смотрел на возможных обидчиков огромными бездонными глазами (мамина наследственность).

Из школы Бобика в этот день забрала, как обычно, Вера. Уже в машине мальчик стал приходить в себя, потихоньку вылез наружу, начал разговаривать сначала сам с собой ни о чем — это со стороны так казалось, а сам он хорошо понимал,